

НН10АНОНМЕУАРЫЕПОДГРИФОМ
002У501М91
05709Н10У501М02Н1<СЕКРЕТНО>Н1Е03Ф5709НН0503Ф5709

АНДРЕЙ ПИНЧУК

ТАЙНАЯ ВОЙНА

ВО ГЛАВЕ МИНИСТЕРСТВА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ДНР

Андрей Юрьевич Пинчук

Тайная война. Во главе министерства госбезопасности ДНР

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24499228

Тайная война. Во главе министерства госбезопасности ДНР / А.Ю.

Пинчук.; Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906914-63-7

Аннотация

Андрей Пинчук приехал в Донецк в начале июля 2014 года, когда начался период наиболее трагических и ярких моментов в истории генерации ДНР. Был оставлен Славянск, украинские войска были уверены, что возьмут Донецк. Именно в этот период он начал создавать «с нуля» контур безопасности молодой Республики. И успешно справился с этой задачей. Так, в период его нахождения в должности министра, МГБ предотвратило три попытки государственного переворота.

В марте 2015 года, после подписания перемирия между Украиной и ДНР, он добровольно сложил с себя полномочия министра госбезопасности и вернулся в Россию.

О неизвестных подробностях тайной войны между спецслужбами ДНР и Украины, а так же о повседневной работе

министра госбезопасности он честно и эмоционально ярко рассказал в своей книге.

Содержание

Предисловие	6
Путь Донбасса	7
Восхождение	7
Степ бай степ	17
Аэропорт как символ войны	25
От энтропии	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Пинчук

Тайная война. Во главе министерства госбезопасности ДНР

Был, кажется, какой-то негласный лимит на сообщения из России – показывать начинали не то с трех, не то с четырех танков, ста убитых и что-то там еще.

В. Пелевин. «*Generation П*»

Мы постоянно пытаемся улучшить природу и приблизиться к идеалу, здесь и сейчас недоступному... Ощущая связь с такой необычной реальностью, мы утоляем глубинное свое желание. Это затрагивает потаенные струны, возносит нас за пределы себя, помогает обрести глубинный смысл жизни. Если мы не обретаем более такой опыт в церкви или храме, мы ищем его в искусстве, музыкальном концерте, сексе, наркотиках – или войне. На первый взгляд, странно, что война попадает в этот список. Но она – один из древнейших стимулов экстатического опыта.

К. Армстронг. «*Поля крови. Религия и история насилия*»

Слуги пошли к хозяину дома и сказали: Господин! Разве не пшеницу ты сеял на поле своем? Откуда

же появились плевелы?

Враг это сделал, – ответил он им. Тогда слуги сказали: Ты хочешь, чтобы мы пошли и выпололи их?

Нет, – он ответил, – чтобы, выпалывая плевелы, не вырвали вы заодно и пшеницу, пусть вместе они растут до жатвы. А во время жатвы я скажу жнецам: выберите сперва плевелы и свяжите их пучками, чтобы сжечь, а пшеницу соберите в мои закрома.

Евангелие от Матфея, глава 13, стихи 27–30

Предисловие

- Это точно можно публиковать?
- А почему нет?

Путь Донбасса

Восхождение

– Ты смотри, на вид приличный мужчина, а террорист!

Мелкий сухощавый ополченец лет сорока, щурясь редкозубой усмешкой, смотрел на будущего первого вице-премьера Донецкой Народной Республики Владимира Антюфеева¹, в сумраке летнего вечера поправляющего автомат, съехавший с плеча безупречного пиджака на бегу от туалета придорожной заправки к одной из машин. В обычной жизни Владимир Юрьевич гордился тем, что он не берет в руки оружие, туманно намекая на некие обстоятельства прошлого, но вероятность засады противника или прямого боестолкновения быстро лечила от позерства. Колона отъезжала, и следовало поторапливаться.

Встречающих на границе было много. К Донецку нас сопровождали Равиль² с прокурорскими, Захарченко³ с оплотовцами и Ходаковский⁴. Было несколько командиров поменьше. Все ждали Александра Бородея⁵, с которым мы приехали. Нас никто не представлял. Какие-то москвичи, и ладно.

В итоге машин не хватало, так как те, на которых мы при-

были, должны были вернуться, а мы пересаживались к местным. Суесящихся бойцов рассовывали в салоны по четыре человека на задние сиденья, и даже в багажники. Мы с Олегом, на правах гостей, на пассажирские задние подсадили только одного. Ополченец, разбирающийся в приличных людях, поправляя съезжающую каску и постоянно перекладывая с руки в руку старый АК-47, комментировал происходящее, сидя рядом с флегматичным пожилым водителем.

– Чего они там возятся! Копать окопы их отправить!

От него мы впервые услышали эту веселую фразу, которая в то время имела угрожающе-многозначительный оттенок. Копать окопы. Это было универсальное наказание. Провинившихся и нарушителей отправляли на передовую копать окопы. Мероприятие это сулило его участникам богатый и яркий, но не всегда длительный жизненный опыт.

Областная администрация Донецка после захвата восставшими дончанами

Первые три ночи в Донецке, пока не переехали в «Столичную гостиницу» на пересечение центральных улиц Артема и Богдана Хмельницкого, спать пришлось в большом частном доме, который Саша Кофман арендовал у каких-то местных коммерсантов. До войны в доме располагался дорогой бордель, поэтому некоторым посетителям из нынешнего правительства ДНР и парламента Новороссии адрес был хорошо знаком. Дом был величав и неудобен для походного размещения.

К моменту нашего приезда туда же прибыл и Олег Царев. С учетом того, что Царев в то время числился Председателем Парламента Новороссии, а Кофман – его первым заме-

стителем, то и ранжир был определен. Такое положение дел продлится недолго. С ними в доме жила их свита, поэтому места не хватало.

Так как мы еще не были официально назначены на свои должности и воспринимались как очередные московские туристы, приехавшие поглядеть на борьбу за Русский мир, то Антюфеева, имеющего все внешние признаки большого начальника, уложили в комнату повыше. Нам же с Олегом пришлось спать в сауне на старом узком диванчике и бильярдном столе. Время, когда сон, хоть и в душной и неудобной, но находящейся в подвале сауне был более спокойным, чем в большой комнате под крышей, только наступало. Постоянных массивированных артобстрелов города еще не было.

На четвертый день нахождения в Донецке я пошел в храм. Свято-Преображенский собор, расположенный напротив отеля «Столичный», ставшего на долгое время резиденцией сначала Бородая, а потом и Александра Захарченко, был одной из изюминок Донецка. Красивый и строгий храм, украшенный внутри величественными иконостасами, являлся гордостью города. В дальнейшем я проведу много времени, прогуливаясь в парке вокруг него и беседуя с кандидатами на службу в министерство госбезопасности Донецкой Народной Республики.

Перед входом в храм висело уже традиционное объявление «С оружием вход воспрещен». Прошла информация

О том, что в одном из оставленных Стрелковым населенных пунктов националисты расстреляли молящихся в храме ополченцев, что формировало нервозность вокруг обрядов. Но в церкви было хорошо и спокойно.

Свято-Преображенский собор Донецка, город после очередного украинского артобстрела

Начались лихорадочные будни, когда день идет за месяц по яркости, насыщенности и содержанию. Перманентная суэта на одиннадцатом этаже Донецкой облгосадминистрации прямо корреспондировалась с неровным графиком Бородая. Попастъ на одиннадцатый можно было либо на общем лифте, который ехал до десятого, откуда еще нужно было подняться по лестнице, либо на отдельном лифте, магнит-

ные ключи от которого были у членов Совета министров и нескольких особо доверенных. Свой ключ я получил через неделю после прибытия. Он до сих пор хранится в память об этих днях.

У входа в здание в то время всегда дежурило много активистов. Люди демонстрировали решительный настрой. Постоянно были расставлены палатки, в которых велась запись в разные подразделения ополчения. Заметно выделялась палатка Союза ветеранов Донбасса «Беркут» (СВД «Беркут»), состоящего преимущественно из пенсионеров и работников местных органов внутренних дел. Через определенное время данная структура будет распущена, так как самостоятельные милицейские подразделения в условиях войны оказались малоэффективными. Каждый вечер вокруг ОГА проходил крестный ход.

Практически все помещения внутри носили следы штурмов, борьбы и многодневных дежурств большого количества народа. Некоторые этажи жили своей, обособленной от других, жизнью — со своими командирами, активом и интересами. Наиболее цельным и респектабельным был блок, закрепленный за Олегом Царевым.

Чтобы попасть в отдельные коридоры и кабинеты, приходилось преодолевать завалы мусора, мебели, наспех сваренных металлических перекрытий и укреплений, баррикады, хаотично сформированные на всех этажах за время удержания здания восставшими дончанами. Первое, что сде-

лал Владимир Антюфеев, это выделил общего коменданта здания, назначил команду по разбору «авгиевых конюшен» и разблокированию расположенного в подвальной зоне бомбоубежища.

Буквально через несколько дней появился повод его проверить. Мы с Березой находились в большом зале для совещаний, одна из дверей которого вела в приемную Бородая. В нем был большой овальный стол, за которым проводились заседания Кабмина и пресс-конференции. Пока зал пустовал, мы использовали его, чтобы побеседовать с интересующими нас людьми. В какой-то момент в дверь из приемной резко распахнулась, и в помещение резвым шагом почти вбежал Антюфеев. Он схватил свой пиджак, висевший на спинке стула, и выскочил, уже на выходе что-то быстро сказав нам. Я не расслышал слов и спросил Олега, что это было. Олег сказал, что вроде нас сейчас «Точкой У» бомбить будут. Как выяснилось впоследствии, из командного пункта в Краснодоне пришла информация, что по зданию госадминистрации сейчас будет нанесен удар «Точкой У»⁶.

В подвале бомбоубежища, Облгосадминистрация Донецка, 10 июня 2014 г.

Когда мы вышли из зала, то увидели, что вся разношерстная толпа народу, находящегося на верхних этажах, спускается по лестничным маршам вниз. Владимир Юрьевич был уже где-то вдалеке, деловито пробиваясь через гражданских со словами, что ему нужно к Премьеру. Нам с Олегом было как-то неудобно идти за ним, так как в случае нанесения удара за спинами оставались люди. Поэтому мы замкнули колонну, поторапливая отстающих, и на каждом этаже заскакивали в коридоры и несколько ближайших кабинетов, громко требуя спуститься вниз. Весь этот табор довольно медленно

тянулся вниз, и понятно, что если бы «Точка У» действительно прилетела, то шансов у нас не было.

Дойдя до третьего этажа, мы увидели, что толпа остановилась. Тут уже можно было пробиваться вперед, к Антюфееву, где выяснилось, что так заботливо разобранный по команде Владимира Юрьевича проход упирался в массивную дверь бомбоубежища, закрытую на ключ ушедшим на обед комендантом. Постояли минут пятнадцать, пока искали коменданта, обедавшего неподалеку, и вошли в убежище. Посидели, разошлись. Продолжаем работу.

И.Стрелков и М.Регинская

Секретарь Елена Ивановна Филиппова и ее молодая смышленная сменщица Таня регулярно резали бутерброды,

из которых состояли перекусы при совещаниях и разговорах в комнате отдыха премьерского кабинета. Иногда им помогала секретарша помощника Бородаев Сергей Кавтарадзе, Мирослава Регинская, которая позже станет женой министра обороны ДНР Игоря Стрелкова (Гиркина)⁷.

Однако времени с Бородаев проводили не так много, мы с Олегом разделились, начали изучать обстановку и искать подходящих людей. Это был вечный поиск, так образно описанный Стругацкими в «Отягощенных злом». Пошла работа. Пока мы под условными фамилиями значились советниками Премьера.

Степ бай степ

Определяя дислокацию

Комплекс зданий Донецкого управления СБУ, ранее являющийся одним из главных объектов народного возмущения и последующих штурмов, оказался к моменту нашего прибытия занят Стрелковым. Использовать его под министерство госбезопасности ДНР, несмотря на формальное постановление Кабмина⁸, было невозможно по нескольким причинам.

Во-первых, помещения были в значительной мере испорчены в ходе революционных событий марта-апреля 2014-го, несмотря на масштабный ремонт, который был проведен буквально перед началом событий. Позже принятый мною на службу бывший офицер материально-технической службы СБУ Александр Подкопаев будет горько стенать по поводу этого ремонта, в проведении которого он принимал непосредственное участие.

Во-вторых, перебравшийся в город перед нашим прибытием Стрелков оборудовал там свой штаб. Сил и возможностей, чтобы выселить его, не было. Да не было и необходимости. Война важнее. Ко всему этому часть помещений была

оборудована под камеры временного содержания, где в дальнейшем разместится военная полиция.

Центральный вход в здание Донецкого управления СБУ после его захвата восставшими дончанами

Среди корпусов имелось несколько строений, достаточно хорошо защищенных от авиаатак и артобстрелов. Стрелков обосновался в одном из таких, являющемся старым зданием оперативной спецсвязи. Помещения не имели лощеного ремонта нового админблока, но в силу расположения были довольно безопасны от обстрелов. Рядом располагался корпус главного отдела «К» СБУ, специализирующегося на борьбе с коррупцией и оргпреступностью. Там символично обжился

Павел Губарев.

В городе действовало право сильного, а сильным стать только предстояло. Следовало накопить ресурсы. Поэтому по договоренности с Олегом Березой⁹ министерство госбезопасности ДНР первые полтора месяца дислоцировалось в крыле здания управления внутренних дел Донецкой области, которое с 17 июля стало местом дислокации центрального аппарата министерства внутренних дел ДНР. С учетом сложной обстановки это позволяло и поддержать друг друга в случае каких-либо обострений.

Принимаю должность

17 июля 2014 года, после двухнедельного изучения обстановки, я был утвержден министром государственной безопасности Донецкой Народной Республики, проработав до этого некоторое время сначала советником Премьера по безопасности, а потом исполняющим обязанности министра. Именно этот день и является официальной датой создания МГБ ДНР¹⁰.

К моменту провозглашения министерства оно представляло собой количество личного состава по списку – одна единица в лице министра госбезопасности, материальные средства министерства в виде свежевырезанной печати МГБ и выданного на руки постановления о создании ведомства. У

меня не было ни приезжих коллег, ни каких-либо ресурсов.

Некоторые считали, что МГБ существовало и до меня, но это не так. Дело в том, что назначенный ранее руководителем то ли Службы, то ли Министерства госбезопасности ДНР (в разных документах ведомство именовалось по-разному) Александр Ходаковский создать МГБ не успел по вполне прозаической причине. Начались широкомасштабные боевые действия, и вторая ипостась Ходаковского в виде командира батальона, а впоследствии и бригады «Восток» стала доминирующей. Вероятно, в тех условиях это было верным, так как без защитников на передовой ни о каком госстроительстве речи идти не могло. Ведомство не было создано не только фактически, но и юридически – отсутствовали какие-либо решения о формировании МГБ и его правовом статусе. Единственное, чем обзавелись бойцы «Востока», – это отпечатанные ламинированные карточки с надписью «МГБ ДНР Батальон «Восток», которые они для солидности использовали.

Ходаковский

Свое отстранение и мое назначение Александр Ходаковский воспринял болезненно. Мы увиделись с ним в комнате отдыха премьерского кабинета. Не обращая внимания на наши вопросы и толком не разобравшись, кто мы, Александр Сергеевич с ходу стал рассказывать свою версию произошед-

шего 26 мая в Донецком аэропорту¹¹. Было очевидно, что события эти для него мучительны и серьезно повлияли на мировосприятие.

Александр Ходаковский, командир бригады «Восток»

С ним стал общаться Антюфеев, причем потребовав от меня с Олегом удалиться. Он был уверен, что сможет задавить его силой своего авторитета. И просчитался. Вальяжно проэкзаменовав Ходаковского по его жизненному пути и рассказав, как тот теперь будет трудиться под его руководством, Владимир Юрьевич с видом победителя заявил: «Завтра я еду принимать „Восток“ под командование». Это завтра так и не наступит.

Впоследствии такую же ошибку он совершит и в разгово-

ре с горловским командиром Игорем Безлером¹². Позвонив тому по телефону по незначительному вопросу и не будучи с ним знакомым, он Безлером был просто послан в известные всем места.

Следствием обиды Ходаковского, который потом с горечью скажет: «Я же сам их привез от границы», станет его временная показная оппозиционность по отношению к республике. Находясь в состоянии нормальной военной координации, выполняя задачи, которые перед ним ставили, он публично позволит себе высказывания о ДНР, которые потом ему будут стоить дорого.

В августе мне пришлось некоторое время по рабочим вопросам находиться в России. Именно тогда конфликт обиженного на Ходаковского Антюфеева и обиженного на Антюфеева Ходаковского принял жесткую форму.

Пользуясь только-только созданной мною основой МГБ, Антюфеев прикажет моим сотрудникам арестовать несколько бойцов «Востока», которые разрезали на металлолом мощности одного из предприятий. Пикантности истории добавит то, что задерживали их конкуренты по этому промыслу. В итоге «Восток» по команде Ходаковского возьмет в окружение базу МГБ ДНР, на которой по приказу Владимира Антюфеева содержались арестованные, подгонит технику и сделает несколько выстрелов из «зушек»¹³.

Пришлось после возвращения в Донецк эти проблемы ре-

шать. Постепенно отношения с Александром Ходаковским выровнялись и приобрели позитивный характер. С ним оказалось интересно общаться. Александр Сергеевич много читал, впитывая, как губка, знания и смыслы.

Себя он ощущал своеобразным монашескующим рыцарем в миру. На такую самоидентификацию влияла высокая степень духовно-религиозной вовлеченности. Этот характер был причудливой смесью спецназовца и рафинированного интеллигента, причем сам он акцентировался не на силовой составляющей. Надо сказать, интересная смесь, которая, однако, приводила к нелинейным реакциям на проблемы и к рефлексии.

В общественно-политической жизни это было помножено на традиционную специфику менталитета украинских политиков, сутью которой является постоянный поиск альтернативных центров силы и попытки «сделать ставки и найти входы». Он все не мог понять, что в новой системе власти «небожители», в лучших традициях греческой мифологии, могли обладать всем спектром страстей и иметь сложные отношения друг с другом, но правило единоличного контроля над вверенным участком соблюдалось незыблемо. Так как его движения прямо противоречили современному российскому тренду «один участок – один хозяин», то именно это в итоге в тот момент и привело сначала к отказу от Александра Ходаковского как потенциального лидера республики, а позже и к выдавливанию его из строящейся государственной ар-

хитектуры, несмотря на очевидные заслуги.

Ходаковский долго не мог найти себя в системе координат ДНР. Одним из родимых пятен его участия в процессах стал первый бой за Донецкий аэропорт.

Аэропорт как символ войны

Бои за Донецкий аэропорт были яркой иллюстрацией общей бестолковости всего военного противостояния. Они как бы концентрировали и отражали изменение ситуации.

Начались они с известных событий 26 мая 2014 года. Этот день был переломным для всего происходящего в Украине и в Донбассе. За сутки до этого, 25 мая, прошли противоречащие Конституции Украины досрочные выборы президента, которые так активно продавливало западное сообщество.

Запад, таким образом, легитимизировал незаконное киевское правительство, которое в итоге получало карт-бланш и дорожную карту. Это был Рубикон, за которым главным условием выживания нового украинского руководства детерминировалась предельно агрессивная антироссийская политика. В свою очередь, для силовиков Украины произошедшее стало основанием строиться под знаменами новой власти.

Александр Захарченко дает интервью возле Донецкого аэропорта перед выдачей тел украинских десантников представителям Украины. В это время со стороны Украины, предупрежденной заранее, начинается массированный артобстрел

Почему же в тот день ситуация в аэропорту развернулась по трагическому сценарию?

Дело в том, что для многих участников событий приоритетным и самым желательным примером являлся Крым. Один из наиболее популярных транспарантов того времени – «Донбасс. Крым. Россия». А главной особенностью «Крымской весны» была ее бескровность. Воинские части и органы власти брались под контроль по мирному варианту. И в Донбассе изначально пытались идти по тому же пути. Имен-

но мирные жители вставали перед боевой техникой ВСУ¹⁴. И именно об этом говорил президент России в своей известной речи¹⁵. Были все основания надеяться на такое развитие событий.

Украинские пленные военнослужащие переносят гробы с телами своих товарищей, которые передаются украинской стороне. Часть этих пленных в тот же день решением Александра Захарченко без каких-либо условий будет передана их родителям под гарантии, что воевать они больше не будут

Если бы не полная отморозенность противника, которую учли не в полной мере. Это для нормального человека недо-

пустимо стрелять в женщин и детей. Недопустимо из артиллерии и танков обстреливать школы, больницы, церкви и роддома. Солдат понимает, что сражаться он должен с армией противника, а не со своим народом.

В Украине оказалось иначе. Все границы были быстро пройдены. Каша в головах, всеобщая пропаганда, западные советники и вакханалия от вседозволенности быстро позволили Киеву развернуть «окна Овертона» в нужном направлении.

Полковник вооруженных сил Украины, которому передавались тела украинских десантников, погибших в аэропорту

В январе 2015 года пришлось беседовать с одним из самых известных украинских пленных, комбатом так называ-

емых «украинских киборгов»¹⁶ 90-го десантного батальона 81-й десантной бригады вооруженных сил Украины Олегом Кузьминых, принимавшим участие и в бою за аэропорт 26 мая 2014 года. Этот основательный житомирский парень демонстрировал просто чудеса зомбированности. Благодаря постоянному вдалбливанию украинской госпропаганды он был искренне уверен, что мы сами себя обстреливаем.

Я предложил ему описать технологию самообстрела, в том числе с учетом баллистических данных используемой нами артиллерии, которая при таком раскладе должна была находиться далеко на украинских позициях. Он не нашел что ответить, лишь путаясь в фантастических версиях неких специальных передовых российских артиллерийских разработок.

На следующий день после этого разговора с Кузьминых планировалась выдача противнику нескольких тел украинских десантников, погибших в донецком аэропорту. Такое решение было принято, так как те сражались достойно и, оказавшись под угрозой плена, подорвали себя гранатой. На фоне общей деградации украинской армии такой мужской поступок заслуживал уважения. Прибывший для организации приема тел полковник украинского Генерального штаба категорически отказался забирать их в случае, если процесс будут снимать телекамеры, со словами «если так, то делайте с телами что хотите». Но в итоге нашли некий компромисс.

Так вот. В этот день, утром 22 января 2015-го, украинские

военные обстреляли район Донецка Боссе. Целились они в завод «Донгормаш», на территории которого ремонтировалась техника ополченцев.

В связи с этим завод обстреливался регулярно. Но из-за слабой подготовки артиллеристов, изношенности используемых орудий снаряды часто летели мимо, как случилось и в тот раз.

Место артиллерийского обстрела украинскими войсками района «Боссе» Донецка

Залп накрыл остановку общественного транспорта рядом с заводом, подъехавший к ней троллейбус и автомобиль. Погибло около пятнадцати человек, было много раненых,

взрывная волна отрывала конечности и наносила тяжелые контузии. Люди ехали на работу, поэтому транспорт был переполнен. Мы с Олегом Березой в это время находились в районе аэропорта, ожидая передачу тел украинских солдат. Одной из пострадавших была подчиненная Олега, молодая девушка, которой оторвало ногу. Поехали туда вместе с Захарченко. Место трагедии выглядело ужасно. Осколки, бытовые вещи, фрагменты человеческих тел случайных прохожих, свисающие троллейбусные провода, чей-то окровавленный ботинок, разбросанный из перевернутых урн мусор, раскрашенный брызгами крови, рыдающие родственники, шоковое состояние выживших. Осмотревшись и пообщавшись с местными жителями, Захарченко поручил туда привезти и Олега Кузьминых. Без каких либо особых целей. Он просто хотел, чтобы и тот увидел своими глазами, что делают его сослуживцы.

Насколько ситуация тронула Захарченко, я понял, позже приехав с ним на базу. Зайдя без стука в его кабинет, увидел, что он, обхватив голову руками, плачет. То были нормальные мужские слезы человека, испытывающего невыносимую человеческую боль и горечь. Это чувство он попытался разделить с Кузьминых.

Пленный комбат так называемых «украинских киборгов» 90-го десантного батальона 81-й десантной бригады вооруженных сил Украины Олег Кузьминых на месте обстрела украинскими военными района «Боссе» Донецка, при котором погибло большое количество мирных жителей

Но украинского десантника не убеждало ничего, он продолжал твердить, что просто «мы несвободные». К смертям дончан отнесся довольно равнодушно. Когда я задал ему вопрос о критериях свободы, Кузьминых совершенно искренне заявил, что, чтобы быть свободным, нужно иметь возможность смотреть украинское телевидение. Все его сознание состояло из примитивных украинских идеологических

штампов. Позже, освободившись из плена по обмену, Кузьминых заявит, что и Боссе мы тоже обстреляли сами в неких пропагандистских целях, а его встречу с местными каким-то образом срежиссировали. Так что степень морально-нравственной деградации этих людей, зашлифованной пропагандой, была запредельной.

Поэтому надежда на мирное взятие под контроль Донецкого аэропорта не сработала. Именно расслабленностью руководителей операции и, как следствие, ополченцев и добровольцев, недостаточно подготовившихся в боестолкновению, частично можно объяснить трагедию.

Вполне квалифицированные бойцы с боевым опытом элементарно не ожидали снайперов, вертолетов и полноценного боя, а сам их заход не был проработан. Как полноценного боя, в общем-то, не ожидали и «вежливые люди» в Крыму. Сложилась ситуация, которую «ГРУшные» спецназовцы характеризуют формулой «Если готовишься к войне, то всегда пройдешь парадом. Если готовишься к параду, то тебе хана». Это, в первую очередь, касалось и подготовки штурма. Символично, что незадолго до боя в аэропорту ополченцы участвовали в параде, прошедшем в центре Донецка.

Конечно, в этой истории даны еще не все ответы (хотя они и есть). Ответы на вопросы о том, почему столь спешно был назначен штурм. Почему, фактически одержав победу, противник не усилился и не двинулся в наступление на город.

Почему вообще так неожиданно и яростно стал сопротивляться, хотя ни до штурма, ни некоторое время после нигде не дрался столь отчаянно. Каковы были реальные задачи группы, брошенной на атаку аэропорта, кто и для чего изменил изначальную цель. Всему свое время.

С того момента за Александром Ходаковским, как организатором неудачного штурма, закрепится дурная слава из-за как бы некачественного планирования боя в аэропорту, хотя бой там и не планировался.

Эта слава будет усилена неудачным штурмом погранпункта «Мариновка» 5–6 июня. И это при том, что менее чем через полтора месяца Стрелков предпримет другую неудачную атаку Мариновки, которая приведет к жертвам среди ополчения, совокупно превышающим потери и при штурме аэропорта, и при предыдущей атаке на Мариновку Ходаковским. На это в информационном пространстве просто не обратят внимания. Именно первый бой за Донецкий аэропорт громче других прозвучит в СМИ.

Далее столкновения за аэропорт носили ритуальный характер. В вялотекущем режиме там постреливали бойцы «Востока», Спецкомитета, «Оплота», казаки и другие, более мелкие подразделения. Это было время, когда чисто военными силами практически ничего не захватывалось и тактика ополчения сводилась почти исключительно к оборонительным действиям.

После прихода Стрелкова в Донецк он поручил опеку над аэропортом своему заместителю по разведке Хмурому¹⁷ со словами:

– У Сергея Николаевича должок за невзятие Краматорского аэропорта. Он этот долг вернет.

Хмурый работу по аэропорту организовал по методике «малыми силами кошмарим аэропорт, а потом, когда он ослабится и решит, что мы способны только на это, мощно и неожиданно ударим по противнику».

При этом регулярно озвучивалась информация, которая, как теперь понятно, носила мифический характер. Про огромные подземные ходы, по которым выезжают танки противника, отстреливаются и уходят. Про схроны ценностей и архивов Януковича и других олигархов, которые в аэропорту ищут и охраняют загадочные спецгруппы западных ЧВК¹⁸, про регулярно сбрасываемые по воздуху припасы и БК и т. п. Коммуникации там, конечно, были и противником использовались, но совсем не такие, как докладывалось.

С учетом того, что Стрелков постоянно задействовал группы Хмурого на других направлениях, а военное планирование как таковое отсутствовало, мощно ударить не получилось, аэропорт вновь взят не был.

Время для быстрого захвата аэрогавани было упущено. В дальнейшем противник все активнее стал осваивать большие территории аэропорта, шаг за шагом выстраивая инже-

нерные оборонительные сооружения в старом и новом терминалах, оборудуя укрепления, а сама территория порта из-за постоянных позиционных боев внешне превращалась из ДАП (Донецкого аэропорта) в АД (аэропорт Донецка) с более полным содержанием этого сакрального слова.

Осенью мы с Березой решили своими глазами посмотреть, что на самом деле там происходит. Одевшись и снарядившись соответствующим образом, повязав на «горки» белые бинты как знак принадлежности к ополчению, мы отправились к «девятке» — девятиэтажному зданию по адресу Взлетная, 11а, знакомому любому, кто бывал в том постоянно обстреливаемом районе. Дом находился на окраине въезда в аэропорт, служил штабом для подразделений «Гиви» и «Моторолы» и регулярно подвергался ударам противника из всех видов имеющегося вооружения. Выглядел он, как и вся последующая территория, наглядной агитацией к какой-нибудь компьютерной стрелялке или постапокалиптическому фильму. Выбитые окна, покосившиеся лестничные проходы, капающая в них вода, торчащие куски стен и перекрытий, выбоины от снарядов и дыры в фасаде. Коридор разделял здание на две половины. В первой, развернутой «лицом» к противнику, были оборудованы наблюдательные точки на верхних этажах. Во второй, через коридор, располагались несколько штабных помещений.

Здание, в котором дислоцировался штаб подразделений «Моторолы» и «Гиви» перед входом в Донецкий аэропорт. Известно как «Девятка»

К тому времени подразделения ДНР «Спарта» и «Сомали» контролировали старый терминал.

Взяв проводника, мы отправились на территорию аэропорта.

Приходилось постоянно бежать от здания к зданию, укрываясь от снайперов и обстрелов.

Решив попижонить и следуя передовой донецкой моде того времени, я надел на ногу набедренную универсальную кобуру Multicam, которая была закреплена на поясном ремне. Очень эпичный ковбойский вариант. Во время бега кобура

била по ноге, мешая передвижению, и на одной из остановок я просто отстегнул ее, сунув «стечкин» в разгрузку. Стало удобнее. Понтам на войне не место.

Наши с Олегом группы разделились. Начался минометный обстрел. Три мины глухо ухнули рядом, и мы залегли под трактором в одном издырявленных в решето ангаров. К минам добавились «воги» и снайпер. После того, осмотревшись и сделав выводы по интересующим меня вопросам, я вызвал группу подкрепления своего спецназа на бронированном транспорте, а сам перебежками вышел к штабу. Группу по «взлетке» направил на усиление Березы, так как из места, где я в тот момент находился, идти силами «лички»¹⁹ в сторону движения группы Олега по обстреливаемой взлетной полосе смысла не было.

– Чего нам там делать?! Наш министр вышел, а менты пусть сами разбираются и своего вытаскивают!

Старший моего спецназа осматривал территорию из кабины своего бронеавтомобиля, на крыше которого была укреплена автоматическая турель с пулеметом.

– Отставить разговоры и выполнять задачу! – оборвал я говоруна. Боец просто не узнал меня в «горке»²⁰. В это время подъехал Моторола²¹, возмущенный тем, что в аэропорт руководство вошло без него (хотя мои бойцы и предупредили его, как старшего по объекту, о мероприятии). Разговорный русский язык в творческой обработке Арсена звучал

причудливыми иностранными нотками.

Момент боя в Донецком аэропорту 26 мая 2014 г.

На земле под обстрелом с автоматом премьер-министр Александр Бородай. Съемку ведет его помощник Сергей Кавтарадзе.

Через некоторое время вернулся и Олег. Потерь не было, зато было довольно ясное понимание, что там на самом деле происходит. Помимо объективного представления о происходящем мы постарались решить насущные проблемы обороняющих старый терминал бойцов. Около сорока человек не имели нормального обмундирования, питания и боекомплекта. По нашему обращению Александр Захарченко урегулировал эти вопросы. К сожалению, старший гарнизона

с позывным «Волк» и еще несколько бойцов погибли при расстреле танком противника прямой наводкой спустя две недели.

В целом бои за аэропорт точно отражали повышение степени слаженности, скоординированности и подготовки ополчения. И ожидаемо, к моменту трансформации ополчения в полноценную армию, аэропорт был взят.

От энтропии

Обрушение социальных норм

Эмиль Дюркгейм и Роберт Мертон в Украине 2014 года нашли бы полное подтверждение своей теории социальной аномии²². Стремительное, почти одномоментное по историческим меркам разложение, дезинтеграция и распад определенной системы устоявшихся ценностей украинского общества в «майданный период» привели в состояние, когда старые нормы более не соответствовали новым провозглашенным идеалам. За этим следовали жесткие социальные девиации с лавинообразным обрушением всех моральных опор общества.

В итоге пытаться, убивать, оскорблять, насиловать, грабить стали не только маньяки и патентованные мерзавцы. Все украинское общество приняло состояние, когда мозг вводит в «слепую зону» весь творящийся беспредел «своих» и сам находит этому оправдание. Гитлеровское общество в этом смысле не было единичным феноменом.

У профессиональных врачей-психиатров известен такой казус. Если к больному с определенным диагнозом обратиться и сказать:

– Уважаемый, хочу с вами посоветоваться. У меня есть пациент с некоторыми симптомами. Но мы не можем окончательно определиться, пограничное ли это состояние или уже болезнь?

После этого начать описывать симптомы того самого больного, с которым вы общаетесь, не называя имен.

В ответ вы услышите:

– Да он полный псих! Конечно же, он болен.

Мозг таких больных не способен к сравнительной самоидентификации. Такая же болезнь свойственна многим участникам нашего процесса. Как пела когда-то одна украинская поп-группа, «мозг обезьяны видит обезьяну».

Приехав в начале июля в Донецк, я был поражен, как быстро жители еще вчера общей страны и с одной, и с другой стороны перешли от уличных митингов к взаимному истреблению, причем массовому и остервенелому.

«В горах терпит крушение самолет. Отправляется спасательная экспедиция. В итоге спасатели выходят на гору с обломками самолета. Рядом разожжен костер, у которого какой-то человек доедает человеческую ногу. Возле огня навалена большая куча человеческих костей и останков. Увидев спасателей, он в слезах бросается к ним и, захлебываясь, падает им в ноги с криками:

– Да, я их всех съел! Я был вынужден! Это борьба за существование, или я или меня! У меня дети, мир жесток, и

таковы законы природы! А-а-а!!!

— Мужик, мы все понимаем... Дети, природа, существование... но с момента катастрофы прошло всего двое суток...»

Очень показательным было состояние органов внутренних дел, которое можно считать типичным для любой войны и революции. Военный оказался страшнее и могущественнее человека с удостоверением. Чувствующие себя хозяевами положения работники милиции и других правоохранительных органов мгновенно проиграли эволюционное состязание ребятам с автоматами.

Только в Донецкой области общая численность представителей органов внутренних дел составляла более 16 000 человек. И это без прокуратуры, внутренних войск, пенитенциарной системы, СБУ, пограничников, Спецсвязи, СВРУ и т. п.

Простая арифметика. В начале июля 2014-го «Оплот» составлял не более 600–800 человек, «Восток» – порядка 800–900. У Безлера было около 350–400. Небольшие группы казаков, РПА и т. д. тоже не давали больших цифр. Задавить восстание правоохранители могли... но боялись.

«Задача. На одном острове живет два племени. В одном сто человек. И каждый хочет взять палку и пойти войной на соседей. В другом десять тысяч. И каждый хочет... чтобы сосед взял палку и пошел войной на соседнее племя. Вопрос. Кто победит?» Кстати, этот процесс характеризует не столь-

ко соотношение сил, сколько степень народной поддержки. Потому что боялись ее. Ну и Россию, конечно. Плюс после-
майданная организационная дезинтеграция.

Когда мы с Олегом Березой зашли в Донецкое областное
УВД, то сотрудников полиции пришлось буквально соби-
рать.

Олег проделал огромную работу по перезапуску системы. Первые 500 человек, принявшие присягу, категорически от-
казывались выезжать на вызовы и выходить в патруль. При-
чины для этого были. Пулю можно было поймать просто
так, особенно с учетом наличия на форме украинской сим-
волики. Шевроны быстро срезали, позже была заказана но-
вая форма. Береза страшно гордился первыми автомобиля-
ми ГАИ с атрибутикой ДНР.

Чтобы уйти от украинских аллюзий и обозначить вектор
гармонизации с Россией, милицию Олег решил переимено-
вать в полицию. Патрули усиливали ополченцами, и только
это на первом этапе стабилизировало ситуацию.

В этом смысле положение полиции почти всегда (если,
конечно, она выполняет только традиционные правоохрани-
тельные функции) является барометром войны и контроля
над ситуацией властью или ее отсутствия. Чем больше в об-
ществе права удостоверения, тем меньше права автомата, и
наоборот.

Вспоминаю в этой связи курьезный случай. В сентяб-
ре 2014 года, в момент проведения совещания министром

внутренних дел ДНР со своими заместителями и командирами подразделений своего министерства, в кабинет вошел помощник и заявил:

– Олег Владимирович! К вам, хм... Пыль.

– Кто?!

– Пыль!

В этот момент в кабинет вошла маленькая, ростом не более 150 сантиметров, очень смешная девушка и заявила:

– Я должна осмотреть ваше здание на предмет наличия серверов, передающих информацию в Украину! Есть такая информация...

– Ты кто, милая?!

– Я – Пыль! От Хмурого...

Общий хохот и рассуждения про пыльного Хмурого и хмурую пыль.

На улице в этот момент все было не так смешно. Группа спецназа, прибывшая вместе с барышней, брала в окружение здание УВД и расставляла снайперов.

(Когда спустя время, уже в московском офисе «Союза добровольцев Донбасса», перед вручением знака Добровольца я напому этой девушке тот случай и в шутку скажу, что знак должен вручать Олег Владимирович Береза, Екатерина страшно покраснеет и начнет сбивчиво вспоминать, почему так произошло.)

В итоге, конечно, конфликт преодолели, всем, кому нужно, принесли извинения, но факт оставался фактом. При-

вычка решать вопросы по принципу «у кого больше оружия» приходит легко и уходит очень сложно.

В сентябре я приказал задержать одного из командиров «Оплота» с позывным «Сталкер». Для этого были веские причины. Так как он был депутатом Верховного совета, то задерживали его у здания ОГА.

Уже к вечеру здание МГБ было оцеплено «Оплотом», и один из командиров с позывным «Кадет» предлагал мне выдать их товарища под угрозой штурма. Я знал, как реагировать в таких ситуациях, и решил вопрос с конфликтом.

Но такие случаи на первых порах бывали регулярно. Здание МГБ ДНР пережило три полноценных попытки штурма, в том числе при последнем, произошедшем 11 ноября 2014-го, нападавшими были тяжело ранены трое случайных прохожих.

В другой раз одно из оперативных подразделений МГБ инициировало задержание группы лиц, обоснованно подозреваемых в совершении тяжкого преступления. Для силовой поддержки и защиты оперработников и следователя я поручил привлечь спецназ министерства.

Выехали на задержание. Через какое-то время мне доложили, что один из бойцов спецназа убит в перестрелке, а остальные сотрудники блокированы значительно превосходящими силами «Востока» и разведуправления минобороны ДНР.

Так как к тому времени у меня были уже налажены отношения со всеми ключевыми командирами, вопрос быстро разрешился. «Востоковцы» были отозваны, а Хмурый, командующий военным разведуправлением, даже предложил расстрелять своих бойцов, виновных в происшедшем. Я отказался, так как требовал неукоснительного соблюдения закона. Нарушая сам, можешь ли ты спрашивать с других?

В итоге выяснилось, что трагическая история стала следствием очередной нескоординированности и излишнего количества оружия на руках внутри города.

В момент, когда сотрудники МГБ блокировали интересующую квартиру, в расположенной рядом отдыхало двое бойцов «Востока». Решив, что столкнулись с диверсионно-разведывательной группой противника, или же, по другой версии, что пришли за ними, они вызвали подкрепление, а сами заняли господствующую позицию и открыли огонь. Подъехавшие на подмогу «востоковцы» пересеклись с бойцами военной разведки, и те по-братски предложили помочь в ликвидации украинских диверсантов. Лишь мое вмешательство позволило избежать еще более трагичных последствий.

По факту происшедшего было возбуждено уголовное дело, начато расследование, виновные задержаны. Я же вышел со срочной инициативой предельно ограничить ношение оружия в городских условиях, ввести для бойцов увольнительные и, по возможности, вывести подразделения ополченцев из районов компактного проживания мирного насе-

ления.

Всеобщая вакханалия по обе стороны фронта соседствовала с вполне системным и циничным подходом. Дело в том, что в специальных теоретических разработках военного дела существует набор рекомендаций, хорошо знакомых, например, офицерам военной разведки и военных подразделений спецопераций многих стран.

Суть их сводится к тому, что в ходе войны, в случае решения партизанских или иных специальных задач в глубине территории, окруженной противником на относительно длительный период, нужно системно проработать несколько принципиальных вопросов. И первый из них – безопасность. Второй – снабжение.

Безопасность должна быть обеспечена формированием фона, когда резко снижаются предпосылки к сопротивлению на местном уровне. Когда лишь одно имя боевого командира наводит трепет на окружающих. Для этого необходима серия показательных карательных акций. Чтобы они формировали стереотип животного ужаса к противодействию столь суровому отряду или командиру. Но это обязательно сопровождается формированием квазивластных институтов. Большевики почти идеально реализовали схему в своем «красном терроре».

Решением первой задачи создаются предпосылки для реализации второй.

При достаточном уровне контроля обстановки за счет твоего авторитета и страха решение вопросов самообеспечения приобретает чисто технический характер.

Здесь военное командование лишь регулирует вопросы судопроизводства, где выступает конечной инстанцией принятия решений и назначает гражданских или военно-гражданских управленцев. Все. Далее, по принципам синергетики, система управления обществом воспроизводит сама себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.